

17. ИЮЛ 1982

г. Москва

Газета № . . .

Из столичной гостиницы «Москва» мы шли на Пушкинскую площадь. Улицы были какими-то особенно светлыми в этот день от яркого солнца, и глаза у Давида Никитича Кугультинова тоже были светлыми, лучистыми, теплыми. Он шел энергичным шагом, приподняв голову, устремившись всем корпусом вперед, и лишь упрямые волосы на непокрытой голове, казалось, не поспевали за ним, развевались сзади, словно ветви дерева на сильном ветру...

Мы остановились у памятника Пушкину, помолчали. Мимо проходили люди, некоторые из них задерживались у бронзовой фигуры поэта, что-то говорили, улыбались. Вдруг услышал я знакомые с детства строки, только слова были непонятные, чужие, а ритм тот же, пушкинский.

Кугультинов читал «Памятник», читал стихотворение на родном языке, в собственном переводе. И, чуть наклонив курчавую голову, слушал певучее журчание строк Александр Сергеевич и, кажется, улыбался уголками недвижных губ: «друг степей — калмык» произносил его строки...

До этого, в гостинице, мы много говорили с Давидом Никитичем о Калмыкии, о ее степях, и он не преминул рассказать о калмыцком фольклоре, который передавался от поколения к поколению, о современной калмыцкой литературе, которая сверкает яркой звездой на небосводе многонациональной советской литературы, о русской поэзии.

— Первое русское слово... Отлично помню, как оно ко мне пришло, — говорил Давид Никитич. — Слово это было «клеб». Когда его произносили, я чувствовал запах, вкус, видел золотистый цвет корочки. В детские годы при произношении каждого русского слова я замарал, закрыв глаза. Мне виделись яркие картины, я слышал музыку и думал о том, какой я счастливый человек!

В нашем хотеле была учительница, Александра Ивановна, безмерно любившая литературу. Она приучила нас читать наизусть стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова и других великих поэтов, читать и зримо представлять все происходящее. Совхозная столовая — низенькое глинобитное здание — по вечерам превращалась в клуб, освещаемый двумя керосиновыми лампами «летучая мышь». И вот однажды мне, десятилетнему школьнику, предстояло выступить перед публикой и прочитать стихотворение о революционере. Там были такие, кажется, строки: «Гудит набат, бежит народ, и тихо улицы идет ко смерти раб приговоренный...» Я дочитал до этих строк, увидел все, понял, что сейчас его казнят, и... разрыдался. Прибегала Александра Ивановна. «Что с тобой, Давид?» — «Да как же, его ведь повесят!»

Она успокоила меня кое-как и велела прочитать стихотворение снова. И снова все повторилось. На том же месте я за-

рыдал. Так и не смог себя преодолеть...

Он уже тогда, в десятилетнем возрасте, пробовал писать стихи.

Помнится, один из творческих вечеров в ЦДСА имени М. В. Фрунзе, приуроченных к 60-летию образования СССР, был посвящен поэзии Давида Кугультинова. В Краснознаменном зале собрались воины, их семьи. Давид Никитич читал свои произведения,

охотно отвечал на вопросы слушателей. «Как вы пришли в поэзию?» — спросил один из офицеров. «Благодаря дружбе наших народов», — ответил поэт. За этой короткой фразой стояло многое.

Первое свое стихотворение он напечатал в двенадцать лет в многотиражке совхоза № 107. Оно было написано на злобу дня и посвящалось животноводцам. Затем появились другие стихи лозунгового характера, за которыми юный стихотворец был даже удостоен похвалы совхозного руководства. Лишь позже понял поэт, что первые его сочинения были далеки от настоящей поэзии. Встреча с писателем Батром Басанговым перевернула его представления о творчестве. Басангов говорил: «Давид, надо всегда работать. Ты не бери пример с этих смельчаков, которые считают, что рифма запросто дается, что ритм приходит сам по себе. Ты к литературе должен относиться так, как влюбленные относятся к женщине. Они всегда робуют...»

В семнадцать лет вышел его первая книга «Стихи юности», а в восемнадцать, десятиклассником, Кугультинов стал членом Союза писателей. Тогда вступать в союз было значительно сложнее, чем теперь, — тогда по уставу литератор несколько лет мог считаться кандидатом в члены союза. Но так случилось, что стихи калмыцкого юноши, переведенные на русский язык, заметил Александр Фадеев. Заметил и поддержал при вступлении в творческий союз. «Я никогда не забуду его внимания и благодарен ему так же, как и многие литераторы», — эти слова скажет Давид Кугультинов сорок лет спустя, уже

взойдя на вершину поэтического Олимпа, получив всенародное признание, став лауреатом Государственных премий СССР и РСФСР, кавалером ордена Ленина.

Грозный сорок первый год ворвался в судьбу Кугультинова, как и в судьбы всех его сверстников, огненным ураганом. Призванный со второго курса педагогического института на службу в

турганова подбили из ПТР на близком расстоянии два фашистских танка. Мне понравилось, что я тогда не написал, как стрелял сам. Говорю об этом в связи со своим утверждением, что ныне я не лучше. Доведись мне писать сегодня, не могу сказать, что удержался бы сообщить о своем выстреле. Я говорю о красоте возраста, о чистоте помыслов тех, двадцатидвухлетних, которые видели не себя, а прежде всего видели людей вокруг себя. Отечество свое, оставив себя чуть в стороне. Я вспоминаю своих товарищей, которые писали о пе-

Я болью своей и гневом буду стрелять!

— Сейчас очень остро стоит вопрос о войне и мире. И борьба за мир — это не просто актуальная тема для советского писателя, а его судьба. Я, например, испытал удовлетворение, получив письмо от мэра города Хиросимы господина Такеши Араки, в котором он благодарит за поэму «Бунт разума», как он пишет, «помогающую в борьбе за мир». Да, в эту поэму я стремился вложить боль человека, прошедшего войну и всеми силами души пытающегося сделать так, чтобы она не повторилась.

Осколки военных лет настаивают моих товарищей до сих пор. Ушел из жизни мой друг Сергей Орлов, прекрасный поэт, создавший неповторимые стихи о войне, о советских воинах, бесстрашно защищавших нашу Родину. Да, уходят мои друзья — одноклассники по литературе. Вот и Луколина нет, и Наровчатова... Но слышу я порой странные разговоры, будто военное поколение писателей, то есть непосредственных участников войны, творят только глупую, из которой грядущие гении «сплетают» великие творения. Это неверно. Свидетельства писателей, участвовавших в войне, — это живой огонь.

Кугультинов на минуту замолкает, закрывает руками лицо, затем продолжает:

— Все, что написал, я написал с высоты человека, прошедшего войну. Я хорошо помню слова К. Кулиева, что каждая пуля на войне попадает в сердце матери. И я бы добавил, что каждая пуля, в какой бы точке земного шара она ни была пущена, попадает в сердце поэта. Об этом я говорю на встречах с нынешними воинами, на которые, кстати, иду с большим желанием и душевным трепетом. Общаюсь с военной аудиторией, я как бы чувствую живые, сердечные нити. И отчетливо осознаю, что весомым вкладом в борьбу за мир является готовность нашей армии быть ежесекундно щитом для своей Отчизны.

Вот такой разговор мы вели в гостинице «Москва».

А потом, уже у памятника Пушкину, говорили об Элисте, родном городе поэта, о том, что Калмыкия прекраснее всего весной, когда степь покрывается тюльпанами и, кажется, ни конца ни края нет им, — до самого горизонта простирается разноцветный ковер.

Я мысленно представлял бескрайние, ровные, как морская гладь, степи. И вдруг поймал себя на мысли, что и в степных просторах Калмыкии есть высоты. Не покрыты они вечными снегами, не видны они глазу, но их можно ощутить умом, сердцем. Это высоты экономического, социального, культурного взлета некогда отсталого народа. И в ряду этих высот видится мне поэтическая высота Давида Кугультинова, народного поэта Калмыцкой АССР, писателя, известного сегодня всей Советской стране.

Капитан 2 ранга
Б. ЛУКАШЕВИЧ,
корр. «Красной звезды».

ЕСТЬ ВЫСОТЫ В СТЕПИ

1940 году, поэт встретил войну в солдатской форме.

Видишь? В тяжелой пыли
С запада движется враг.
Степь! Если в грозном

бою,
Струсив, себя запятнав;
Степь! Если Джангра и
Хонгра

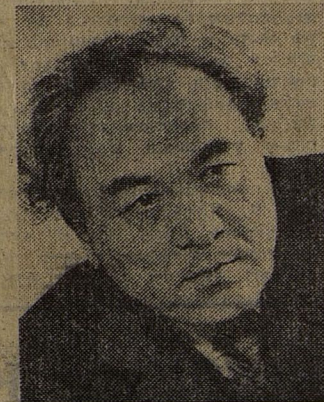
Я оскверню имена, —
Кровь мою в гной

презрати,
О, степь!
И, брезгуя мною,
Тело мое не прими
В лоно святое свое!

Как присяга, звучат эти строки. Лирический герой поэта ощущает свою тесную слиянность и с Родиной, и с героями национального эпоса. Да иначе и не мог представлять Д. Кугультинов ни своей роли бойца, ни роли своей поэзии в то трудное для многонациональной Родины время. Именно здесь, на фронте, происходило подлинное формирование его как человека и поэта.

В сорок втором он стал членом партии. И с честью оправдал доверие коммунистов, которые во фронтовой землянке принимали его в свои ряды. Будучи политруком, затем военным журналистом, Д. Кугультинов ни на минуту не забывал, что он является бойцом партии.

— Три года назад, — рассказывал мне Давид Никитич, — фронтовой друг, ныне известный публицист Игорь Гребцов прислал номер газеты «Боевая красноармейская» за 1 января 1944 года. В ней была опубликована маленькая статья за подписью капитана Д. Кугультинова. Я уже со стороны смотрю на этого фронтового журналиста, потому что ему было 22 года, а мне уже 60. И совсем, наверное, я другой сейчас. Но каким бы я ни был, не могу сказать, что я лучше того. В статье рассказывается о том, как солдаты капитана Бек-

реправе через Днепр, вели репортажи с полем сражений, из эпицентров кипящих боев, и прожигали их видения высвечивали всех достойных и все достойное вокруг. И лишь сами они оставались вне видимости...

Прожектор видения, прожектор памяти Д. Кугультинова и сегодня высвечивает не себя, а прежде всего то, что видит он вокруг, что осмысливает его разум, что чувствует его сердце.

Все, что написал Д. Кугультинов, а вышло в свет у него около 60 книг, проникнуто жизнелюбием, страстностью, освещено неодолимым светом Великой Победы, весны сорок пятого года, созидательного труда наших народов в братской семье, имя которой — Союз Советских Социалистических Республик.

Раздумья поэта о времени, о человеке и человечестве сплавлены с горячим чувством причастности ко всему происходящему в мире. Не случайно в арсенале его творчества появились такие масштабные поэмы, как «Воспоминания, разбуженные Вьетнамом», «Повелитель Времени», «Бунт разума».

Клянусь! И клятвы своей
вовек не нарушу я.
Не убежать от стонов
мира,
Не отступать от зовов
мира.
Да выдержит сталь
оружия: